

Владимир Галактионович Короленко СТОЙ, СОЛНЦЕ, И НЕ ДВИЖИСЬ, ЛУНА!

В некотором царстве, в некотором государстве, за тридевять земель, в тридесятом царстве стоял, а может, и теперь еще стоит, город Восток со пригороды и со деревнями. Жили в том городе и в округе востоковские люди ни шатко ни валко, в урожай ели хлеб ржаной чуть не досыта, а в голодные годы примешивали ко ржи лебеду, мякину, а когда так и кору осиновою глодали. Народ они были повадливый и добрый. Начальство любили и почитали всемерно.

Лежал тот город Восток с округой в местах отдаленных, хоть три года от него скачи, ни до какого государства не доскачешь. И случилось как-то так, что во всех прочих местах начальство давно переменялось: на место воевод стали ландраты, потом капитан-исправник, потом еще поновее. Завелись даже думы; а в Востоковской округе по-старому правили все воеводы и все из одного рода Устаревших. Как это так вышло и кто того дела недосмотрел, этого и по сию пору объяснить никак невозможно; только всюду перемены пошли, а в Востокове с округой как сел

воевода Устаревший, так и сидел до своей кончины. Сам, бывало, задумывается: когда же, мол, мне смена выйдет?.. Подумывал даже сам на иной манер повернуть, — да так с этими мыслями и помер. А как востоковцам без начальства быть не повелось, то и стал ими править сын Устаревшего и тоже правил до своей кончины. А там пошел править и третий. Востоковцы и довольны: будто так и надо. И почитали своих природных воевод свыше всякой меры. Потому — видят: никто Устаревших не ставит, никто не сменяет. Стало быть, от бога пошли.

Так и жили. Только со временем пошли по Востоковской округе неподобные речи: рано ли, мол, поздно ли, а уж выйдет Устаревшим упразднение.

Кто первый те речи пустил — неведомо. Говорят: от заезжих людей пошло. Действительно, наезжие люди — хитрые. Устаревшие им торги-промыслы разрешали, а они им же, как говорится, в шапку накладывали.

Позовет их, бывало, Устаревший на воеводский двор и станет спрашивать:

— И как только вы, поганцы этакие, без воевод в своей стране живете?

А они отвечают:

— Мы, мол, и сами, ваше воеводство, не рады. Известно, народишко от начальства отбился. Озорники!

— Известно, озорники, — воевода говорит. — А вот у меня — благодать. Что хочу, то и делаю!

— Разумеется, — говорят, — благодать. На что лучше, ежели чего хочешь делать, — никто не препятствует...

Ну, а пойдут после того же гости по востокским людям торговать или по дворам ночевать, тут опять другие речи поведут:

— Больно у вас, — говорят, — Устаревшие-то плохи. Чего и вы-то, полоротые, смотрите?..

Конечно, который крепкий человек, слушает да ухмыляется. Ладно, мол! Было бы нам солнце красное, да дождик, да ведро во благовремени. Будет, мол, и хлебушко. А до прочего дела нет... Еще, бывало, другой раз и в драку полезут. А драться были горазды... Ну, да на грех мастера нет: другой, глядишь, и задумается. А уж это, известно, последнее дело. Думает-думает, да и сам туда же:

— Оно, мол, и правда. Надо бы и у нас, как у людей. Чем мы хуже?

Может, и в самом деле от этого, может, и от другого чего, только пошли по округе темные толки... Дошло и до воеводы, и стал воевода тоже задумываться. Велит согнать обывателей, выйдет на

крыльцо, посмотрит, посмотрит, да вдруг и крикнет:

— Кто я по здешнему месту?

Людишки кланяются: «Ты, мол, по здешнему месту воевода, отец и благодетель».

— То-то, — говорит. — Посадить их в холодную.

Людишки кланяются:

— На то есть твоя воеводская воля!

А Устаревший доволен.

— Вот, — говорит, — обыватель у меня как приучен... Откуда же мне может упразднение произойти, ежели они только кланяются да благодарят... Не может этого быть...

Велит опять людишек выпустить, — они сейчас смирно да благородно кто в лавку, кто за промысел. Воеводской милости рады. А толки-то все где-то ходят: «Будет Устаревшему воеводе упразднение...» И у воеводы на сердце сосет что-то.

Велит воевода звездочета позвать. Еще прежние Устаревшие выписали к себе из другой округи ученых людей: пушай, говорят, и у нас, как у других прочих начальников, ученые живут, около наших достатков кормятся, да про меня, воеводу, истории пишут. А там и из востоковцев, которые повострее, стали тоже доходить. Много понавыкли и много про воевод истории написали.

Вот позвал воевода одного ученого и говорит:

— Скажи ты мне, умная голова, всю правду: откуда в прочих землях воеводам упразднение вышло и может ли мне выйти?.. Потому народ у меня смиренный: боярин ласковый, на подачки падох, купец жадный да смиренный, и все вообще только кланяются... Хочешь, — говорит, — в старые книги гляди, хочешь — по звездам читай, а только говори всю правду, за свой живот не опасайся...

Пошел звездочет на свою вышку, сидел ночь, да еще ночь, и еще ночь. Всего три ночи. Потом на самой заре велит воеводу разбудить и говорит ему:

— Глядел я, — говорит, — в старые книги и чел по звездам, и вот что я тебе скажу, воевода Устаревший. Всякому овощу есть свое время, и ничто в сем мире не вечно. Оттого и всякому чину со временем упразднение выходит, оттого и воеводы упразднились. Только редкие упразднялись в свое время, а больше безо времени, от своей глупости. Смотри же и ты, воевода, опасайся. Наипаче имей опаску, как подойдет весна красная да зазвенят потоки весенние...

Осердился воевода на звездочета и договорить ему не дал:

— Вот, — говорит, — ты какой! Я думал, ты меня, воеводу, успокоишь... Хорошо же, — говорит, — я своего слова ломать не стану, живота тебя весьма не лишу. А только, чтобы те речи ты

никому не мог повторить, сошлю тебя в самую дальнюю волость, где живет одна чудь бессловесная. Калякай там с чудью, сколько твоей душе угодно.

Мигнул воевода, звездочета схватили, — хотел он что-то еще сказать воеводе, пытался кричать, да тот не захотел слушать. Усадили звездочета в кибиточку, посадили с ним двух архаровцев, зазвенел колокольчик, и повезли ученого на самый край Востоковской округи, куда и ворон костей не занасивал, к самому холодному морю. Только и слышно, как море холодною волною плещет да чудь промежду себя балакает.

Никто не видал, как увезли звездочета. Было это на самой зорьке. Людишки спали, а кто и видел, не смел много рассказывать. Да ведь все-таки: где утаить, когда был человек среди людей, а тут человека не стало. Пала на востоковцев пущая тоска. По-прежнему в церкви по праздникам ходят, в будни делом занимаются и кланяются все по-прежнему, а молва-то так и ходит, так каждому в ухо и шипит: послал воевода звездочета в холодную сторону, знать, сказал ученый воеводе что-нибудь об упразднении... и стало в округе пущее беспокойство.

Что больше слухи идут, то воевода больше свирепеет. А больше воевода свирепствует — и опять же больше слухи идут. Фискалы рыщут,

доносят. Схватят Ивашку либо Микишку с базару, волокут в воеводскую тюрьму, народ смотрит... Иные, которые построже, говорят: «Так и надо», — а другие жалеют:

— Эх, из-за этих Устаревших только людям перевод!

А фискалы слушают да новых волокут: то были все слетыши, а тут уж за отцов да за дядьев принялись. А говор не унимается.

— Ежели, — говорят, — и дальше этак, — бог с ними и с Устаревшими!

Беда, да и только!

Видит воевода эту крамолу и думает: «Верно, им другой такой же мудрец что-нибудь сказал. Сем-ка я всех ученых прекращу. Будет им на моем дворе кормиться да про меня, воеводу, книжки складывать».

А к тому времени ученых-то столько развелось, что давно и во дворе воеводском не умещаются. Стали вольным манером жить и про воеводу книжки складывать забыли, а вместо того стали прочими книгами торговать и ведомости выпускать. И начал он над всеми книжными людьми лютовать... Оставил на воеводском дворе малое число таких, что только жуют губами да у воеводы к фалдочкам, походя, прикладываются, а остальным велел кормы прекратить, а то и хуже...

Подивились востокорцы на воеводину свирепость, да делать-то нечего, — отступились. Мол, дело не наше. Кто землю пашет, кто сапоги тачает, кто промыслами промышляет. В сытые годы, мол, едим мало, не досыта, в голодные годы кору гложем, на все воеводская милость. Когда ни то воевода усмотрит, опять милостив станет. А ученые стали ему неуютны, — его дело, воеводское, а наше, мол, дело сторона.

Только смотрят людишки, посмотрят, что ни дальше, то больше — чинит воевода не гораздо, — принялся уж казну расточать; созвал именитых купцов — дал им льготу, созвал дворян — дани-пошлины скостил: «Вот, говорит, вам моя милость, чтобы, в случае чего, быть мне на вас в надежде...» Подивились людишки: годы будто плохие пошли, из каких капиталов воевода богатых людей задаривает? Ну, да ладно. Ничего! Хоша, говорят, не допьем, не доедем, все авось живы останемся... Пущай потешит свой нрав воеводский... От черни берет, богатых задаривает...

Опять только кланяются...

Пирует воевода с именитыми боярами, льстивые речи слушает, ан память-то и подскази звездочетовы слова: «И купец смирен, и боярин льстив, и чернедь только шапки ломает... А опасны